

Денис Барамзин

ИГРУШКИ

Денис Барамзин

ИГРУШКИ

Сборник стихов

в авторской редакции

Киров 2013

Содержание

На разных языках

"Здравствуй, мой дорогой незнакомец!.. Нас Время не лечит..."	5
На разных языках	5
Ночь закрытых дверей	6
Игрушки	7
Фабрика золушек	8
"Каких открытий ты сулишь, мой век?.."	8
"Когда достала башня Вавилона..."	9
"Так ждут дождя безводные пустыни..."	10
История любви	11
Мотылёк	13
Margarius	14
Экзерсисы в пятой стихии	14
Навсегда	15
"Крещенский вечер, а мороза нет..."	16

В предсмертной свободе полёта

"Мелодия рождественского вальса..."	17
про павший снег	18
Открытка из Киото (Восточный триолет)	19
Пернатый бунт	19
Утренние аллегии. Взгляд второй	20
"Бабулечка, ты слышишь? Будто плач..."	21
Две стрелы	22
"Октябрьские дожди справляют тризны..."	23
Журавль	24
Октябрьский регтайм	25
Завтра начнётся зима	27

Один на берегу	
Послеблоковское	28
Гениальный сонет	29
Последний стих	29
"Жизнь пробегает. Ты один на берегу..."	32
Неро	32
Баллада о лютне	33
Святоносский маяк	35

Всего лишь бог	
Сыну	37
Ген Каина	38
Nova	39
Утренние аллегории. Взгляд первый	40
И грянул гром!..	41
Задуманная беседа у костра	43
Равновесность	44
Не Айс!	46
Second Life	47
человечки	49
Выходной	50
Отцу	51
Нью-Эдем	52
послеСловие	
Русский крест	53
Наша Р	54
Два инока (притча)	55
Слово	56
Контакт	62
"И влечёт нас вселенский коллайдер..."	63
Об авторе	66
Правовые ворпосы etc...	67

На разных языках

... двери закрываются! Следующая станция – ...

Здравствуй, мой дорогой незнакомец!.. Нас Время не лечит.
Мы у звёзд на поруках скитаемся в этих краях,
отмеряя разлуки – веками, мгновеньями – встречи
чтобы в жизни другой ненароком столкнуться в дверях.

Узнаю по приметам твой образ в чужом человеке.
И фантомная боль – там, где было в Начале ребро, –
неизменный пароль. Мы расстались в Серебряном веке,
чтобы в век Интернета полстанции мчаться в метро.

За окном вереницей проносится светопись слайдов,
где смешались, сплелись предыдущих эпох миражи.
А вагон мчится ввысь. И влечёт нас вселенский коллайдер –
две полярных частицы единой бессмертной Души.

Мы уносимся прочь. Мы летим – никуда, ниоткуда –
на орбиты своя, чтобы встретиться с той стороны.
Колесо бытия. Сквозь сто лет одиночества – к чуду,
возрождению в ночь накануне столетней войны.

Ночь закрытых дверей

Лишь стоит сделать шаг за Двери детства,
невинности рассыпав шелуху,
как школьных знаний книжное наследство
тотчас же обращается в труху.
Жизнь хлещет по щекам и бьёт указкой,
склоняет матом в профиль и анфас,
и – мальчик – ты прощаешься со сказкой,
вступая в этот мир, как в первый класс.
Сквозь частоколы каверзных вопросов
темна дорога – не видать конца.

Огнём, водой и медным купоросом
смываешь след ребячества с лица,
из кривды правь выпаривая в колбу
и амальгаму пробуя на вкус.
Ты бьёшься в Дверь, но получаешь по лбу.

И плачет повзрослевший карапуз,
холодной ночью комкая подушку,
ища в ней материнского тепла.

А навсегда забытые игрушки
с тоской глядят из пыльного угла.

Игрушки

Верность своим игрушкам - черта людей.
Олег Медведев

Весь день на даче пьяный кавардак.
Хозяин под шумок в разгар пирушки
шмыгнул с какой-то рыжей на чердак,
а там – давно забытые игрушки.

Ракета. Самосвал без колеса.
Кот в сапоге. Слонёнок. Чебурашка.
Растрянно глядит во все глаза
пластмассовая кукла-неваляшка.

И сердце будто замерло в груди,
хмель выветрился вмиг – как не бывало.

– Я... не могу... Не здесь. Ну, погоди...
– Ну что ты? Как ребёнок годовалый!

Когда всё это было?... Мальчуган
скакал, как на коне, верхом на стуле...
У дворника учился матюгам...
Однажды, Дед-Мароза карауля,
без сна провёл всю ночь на Новый Год...
Чтоб взять мотоциклетный шлем со шкафа,
карабкался со стула на комод...
И спал в обнимку с плюшевым жирафом...

Взрослеют дети. Новые «нельзя»
манят, как даль, сокрытая туманом.
Другие появляются друзья,
а старые – пылятся по чуланам.

Фабрика золушек

Словно в замочную скважину,
бьётся в стеклянную грань
свет, замурованный заживо
в городе Тьма-Таракань, –
солнечным зайчиком, ящеркой
юркнуть, прорваться – туда,
в радужный рай телеящика!

Мчатся, гудят поезда,
свозят на фабрику золушек,
как золотую руду, –
из самородного солнышка
выплавят мегазвезду.

И засияет сверхновая –
радостна и высока,
вспыхнув лучами фольговыми
в глянцево́м небе райка.

Каких открытий ты сулишь, мой век?..
Собрат Колумба, Кука, Магеллана,
я погружаюсь в омут дискотек,
как в воды Мирового Океана,
встречая лёд суровых антарктид,
зной африк и таинственность америк,
что, сохраняя горделивый вид,
ждут смельчака, ступившего на берег,
чтоб укротить их непокорный нрав,
сразить неодолимостью искусства,
бесценное сокровище забрав
в обмен на тряпки, зеркальца и бусы...

Когда достала башня Вавилона
Того, Кто почивал на облаках,
Он осерчал. И вот, с размолвки оной,
мы говорим на разных языках.

«Пожри себя!» – девиз цивилизаций,
наш мир – колосс на глиняных ногах.
В цветном калейдоскопе стран и наций
мы говорим на разных языках.

Да что народы?! Если два супруга,
лишь узники в венчальных кандалах,
за годы не сумев понять друг друга,
мы говорим на разных языках!

Давай же этот мрак непониманья
пронзим любви спасительным лучом!
Не нужно слов – единый такт дыхания
нам будет самым верным толмачом!

Так ждут дождя безводные пустыни,
в предвосхищеньи жадного глотка
колодцами-глазницами пустыми
вперясь в вышину на облака...

Так ждут прилив суда у старой пристани
с мечтой: поднять из тины якоря,
дать вволю ветра парусам расхристанным
и устремиться в дальние моря...

Так появленья солнца ждёт цветок,
чтоб распахнуть ко свету лепестки;
Так ждёт дворняга лакомый кусок
из ласково протянутой руки...

Так, бредя, робинзон – из года в год –
ждёт корабля на глади горизонта.
Так ждёт седая мать – из рода в род –
вестей от сына с мясорубки фронта...

Забившись в склепы каменных берлог,
гипнотизируясь экранами TV,
трясаясь в metro, глотая fresh и smog,
меж icq и sms,
играя в принцев и принцесс,
как откровения небес,
как будто чуда из чудес,
мы все ждём одного...

Мы ждём – любви.

История любви

Не перечесть всех подобных историй...

...Утренник в детском саду.

Девочка с бантом, поющая в хоре,
слева в переднем ряду.

Мальчик на сцене. Чрезмерно опрятный.
Речитативом слова.

Жизнь так чудесна, легка и понятна:

Пушкин. «Жи-Ши». Дважды два.

...Младшие классы. Беспечное детство.

Краски, бумага и клей.

Просто их семьи живут по соседству.

Просто вдвоём – веселей.

И, как всегда и везде, «тили-тесто!»,
крики: «Невеста! Жених!».

Всем остальным, кто не «вместе», а «вместо»,
трудно понять тех двоих.

Вихрем проносятся школьные годы,
классом сменяется класс.
Снова весна, по законам природы.
Эта – в семнадцатый раз!

...Май. Дискотека в школьной столовой.
Душный заполненный зал.
Он так стремился сказать ей три слова!
Но ничего не сказал...

Звёздное небо над парком Победы.
Сумрак. Скамейка. «Токай».
– Всё как-то странно... Ты чувствуешь, Герда?
– Мы стали взрослыми, Кай...
Месяц спустя, по пути с выпускного,
в свете всё той же луны,
он не решился на эти три слова –
были слова не нужны.
И поцелуй в полутёмном подъезде,
частый дыхания такт –
сцена из старой, известной всем пьесы.
Но заключительный акт
будет по новой написан и сыгран...

...В лужах обрывки страниц.
В небе влекомый осенним призывом
клин улетающих птиц.

Как ни печалься, закончилось лето.
Ветер листву вдаль несёт.
– Слышишь, Ромео?
– Не бойся, Джульетта.
Осень пришла. Это всё...

С древних времён Мирового Потопа
и до скончания дней...

– Веришь ли, ждёшь ли меня, Пенелопа?
– Где ж ты сейчас, Одиссей?...

...Чёрная птица планирует плавно...
Утром «груз двести» встречать.
Высуши слёзы свои, Ярославна,
спрячь за безмолвья печать.
Плавь своё сердце, сгорая, как спичка, –
в неуязвимый металл...
...Где тот, кто дёргал тебя за косички
и на мопеде катал?..

Как-то..., когда-то... вы встретитесь снова –
так же светлы и чисты.

...Падает снег.
Три заветные слова –
в камне гранитной плиты.

Мотылёк

последний	вот так же
мотылёк	- без следа
разбившейся	сейчас
мечты	растает
вспорхнул	ты
в ночную	прижав
мглу	ладонь
лишь я	к стеклу
разжал	в прокуренном
ладони	вагоне

Margarius

У моей Маргариты в квартире то шабаш, то бал,
то пожар, то потоп, полигон сумасбродств и безумий.
Здесь сегодня коррида, а раньше Мамай воевал,
и на кухне шкворчит, раскаляясь, домашний везувий.

У моей Маргариты дом полон бездомных собак,
в захламлённом чулане ютятся летучие мыши –
их прогнал странный зверь, заселивший недавно чердак.
Что ни ночь, то хозяйка с питомцем гуляют по крышам.

У моей Маргариты распахнуто в спальне окно.
И со страхом и радостью стоя у запертой двери,
я гадаю, за что это дикое счастье дано
дуралею, который всю жизнь просидел в подмастерьях.

Экзерсисы в пятой стихии

Я обучал вдохновенно – то грубо, то нежно,
жарок ночами и вычурно-холоден днём.
Ты постигала науку – кротка и прилежна,
только наставник не знал, что играет с огнём.

Бросив к ногам палача сердце, жизнь и свободу,
тая в неволе безжалостно-ласковых рук,
в омут манящий нырнув, будто в тёмную воду,
ты позабыла рассудка спасательный круг.

Строго варьируя каждую позу и дозу
счастья за гранью, над пропастью, в мёртвой петле,
я научил тебя крепко держаться за воздух,
но, отпустив, не сумел удержать – на земле...

Навсегда

Шёпот этой реки, что бежит ниоткуда,
безмятежные воды неся в никуда,
нас зовёт за собой. И незримое чудо
зарождается в наших сердцах.

Навсегда.

Вот мы в лодке без вёсел плывём по реке.
Слышишь – шепчется с ветром за бортом вода,
это солнце – судья в золотом парике –
оглашает свой правый вердикт:

навсегда!

...Лодку нашу легонько качает волна,
и поёт нам река, унося вдаль года.
Но однажды, очнувшись от сладкого сна,
зададим мы вопрос: «Это всё –

навсегда?»

И когда саван ночи окутает землю
и вздохнёт сиротливо седая звезда,
мы взлетим к ней, призыву извечному внемля,
и растаем в безбрежной дали...

Навсегда...

В предсмертной свободе полёта

Крещенский вечер, а мороза нет –
дурное дело, что ни говори.
Лишь патокой фонарный липкий свет
струится в зев распахнутой двери,
перетекая с пола на киот,
кровать, скамью, накрытый стол, на печь,
что как завет хранит тепло, – вот-вот
войдёт хозяин, снег сметая с плеч.

Пороша сыплет известь за порог,
вытравливая след, бегущий прочь –
в даль, где распутье всех земных дорог
распятьем млечным осеняет ночь...

Не знавший, как гнетуща тишина
без голосов, без скрипа половиц,
забытый дом вперяет два окна
безглазой чернотой пустых глазниц
во мглу, в которой звёзды-угольки
собрались в крест, пугая и маня,
там, где запястье скрюченной реки
вскрывает рваной раной полынья.

Мелодия рождественского вальса
Летит в ночи с незримой грампластинки.
Кружатся в небе юные снежинки
Под музыку рождественского вальса.

Вальсируют над городом снежинки
Круговоротом ветреных подружек,
Сверкая белизной ажурных кружев,
Под музыку рождественского вальса.

Блистая белизной ажурных кружев,
В такт мановеньям неземной десницы
Кружатся в белом танце выпускницы
Под музыку рождественского вальса.

Танцуют в звёздной зале выпускницы
Парящих в вышине консерваторий,
Переплетая нити траекторий
Под музыку рождественского вальса.

В узор сплетая нити траекторий
На небосвода антрацитовых пьедесталах,
Снежинок рой кружит под звуки вальса,
Под музыку рождественского вальса.

про павший снег

Снежинки вились в небе мотыльками,
под гусеницы пасть не торопясь...

...Отрыгивая скомканную грязь,
сопя, рыча и клацая клыками,
в барханы омертвелой снежной массы,
впитавшей реагенты, шлак и гарь,
вгрызалась металлическая тварь,
ползущая по краю автотрассы.

Ни деревца, чтоб сказочным нарядом
украсить и укутать потеплей –
бетон урбанистических аллей.

Не обогретый ни единым взглядом,
снег падал, падал россыпью жемчужин
в клокочущий промышленный квартал.

Снег падал, снег впустую пропадал –
ни в небесах, ни на земле не нужен.

Открытка из Киото (Восточный триолет)

Такая одинокая улитка
настойчиво ползёт по склону Фудзи...
На выцветшей от времени открытке –
Такая одинокая улитка.
Века сгорают, как в камине свитки.
Спираль Вселенной давит тяжким грузом...
Такая одинокая улитка
настойчиво ползёт по склону Фудзи...

Пернатый бунт

Ночным налётом город взят на приступ.
Бурлит многоголосая орда
Нахлынувших, как вешняя вода,
Бесчисленных пернатых интуристов.

Пестрят живые бусинки монисто,
Усыпав ветви, крыши, провода;
Взахлёб гуляет птичья коляда,
Прочь гонит зиму стрёкотом и свистом.

Дни свергнутой царицы сочтены.
С чириканьем и щебетом весёлым
Кружатся провозвестники весны
Над опустевшим ледяным престолом,
Крошащимся под натиском волны
Скворечных и чердачных новосёлов.

Утренние аллегории. Взгляд второй

Отходящая ночь тяжело дышит. По Млечной аорте
Бьётся тающий пульс запоздалых бессильных комет.
Сонм созвездий, собрав свой прощальный семейный совет,
Замирает за миг перед смертью в гигантском офорте.

Звёзды гаснут мгновенно, как свечи на праздничном торте.
Ветер дунул, и вот – ни одной больше на небе нет.
Полутень. Полумрак. Всюду тусклый загадочный свет.
И клубится туман над водой, как над зельем в реторте.

Ночь в агонии делает жадный смертельный глоток
Этой бурно кипящей густой заревой киновари.
Но ростком новой жизни тотчас же зарделся восток.

Полыхая огнём, расцветает над миром цветок,
И богиня зари в ослепительном солнечном сари
Выступает из недр, разливая искрящий поток.

– Бабулечка, ты слышишь? Будто плач...
– Волк этак воет. На-ко, пей лекарство.
Спи, дитяtko. (Ох, больно лоб горяч...)
– А ска-а-а-зку?
– Слушай. ...В некотором царстве...
...Малышка спит и слышит тихий зов,
и, неведом неведомым влекома,
отодвигает в сторону засов,
в ночную тьму уходит прочь от дома.
Призывно смотрит полная луна
сквозь облаков пятнистую завесу,
как маленькая девочка одна
бредёт сквозь чащу сумрачного леса.
Не хрустнет хворост под босой стопой,
и не сорвётся камень вниз по склону...
Она идёт звериною тропой,
спускающейся к тихому затону,
где испещрён обрыв следами лап,
а там, внизу, пленительная нега
и лунная дорожка – словно трап
на палубу незримого ковчега.

Две стрелы

Плетями молний небосвод расколот,
и, вторя грому, – так тяжёл, но быстр, –
взмывает вверх над наковальней молот
и падает, взметая брызги искр.

То охладят её в ключе студёном,
то снова раскаляют добела –
так, оглашая ночь истошным звоном,
в мучениях рождается стрела.

Длань демиурга гладит стан блестящий –
достаточно ль легка, пряма, востра –
и опускает чадо в люльку-ящик,
где остывает старшая сестра.

– Скажи, о чём печалишься сестрица?
Мы скоро оперимся, подрастём
и, словно две стремительные птицы,
взметнёмся ввысь одним прекрасным днём!..

– Но после скоротечного полёта
вопьёмся мёртвой хваткой в чью-то плоть...
Мы хищники, и наш удел – охота:
преследовать, разить, пронзать, колоть.

Яд в наших клювах и когтистых лапах.
А мы с тобой куски одной косы...
Я – послековки! – помню вкус и запах
травы, искрящей россыпью росы.

Октябрьские дожди справляют тризны,
ветра поют траурный тропарь,
а наши двухкопеечные жизни
на безымянный сыплются алтарь,
в кого ни ткни – отступник и бунтарь,
несчитанные пасынки отчизны...

Вплетаясь в орудийные тирады,
трассирующих пуль густая вязь
штампует нам свинцовые награды,
замкнув причинно-следственную связь.
Мы валимся в истоптанную грязь,
прося у этой осени пощады...

В поля, что позабыли тяжесть плуга,
нагрянет зимних месяцев картель,
засыпав белым порошком округу.
Дурманящая нежная метель
обрядит в саван братскую постель,
в которой мы лежим, обняв друг друга...

Весной, скрывая прошлого приметы,
раскинется бурьян на пустыре.
Но, не погребены и не отпеты,
мы – навсегда остались в октябре,
как муравьи в застывшем янтаре,
той осени последние клевреты...

Журавль

... скрип колодезного журавля,
да далёкие смутные отклики
пролетающих братьев его...

Александр Спарбер

Здесь больше не журчит живая речь.
Едва заметны в зарослях крапивы
косой плетень и сломанная печь.

Над пустырём топорщась сиротливо,
стоит журавль, нескладный исполин.
Внизу под ним, в очерченном квадрате
скользит за грань венца усталый клин
его свободных небосводных братьев.

Журавль кряхтит. Грядёт его черёд
лететь в края, откуда нет возврата.
Последний и единственный полёт
в бездонный космос чёрного квадрата.

И на прощальный журавлиный клик
глухим бессильным гулом отзовётся
глубинный дух покинутой земли
из темноты заросшего колодца.

Октябрьский регтайм

Астарта – в финикийской мифологии богиня плодородия, любви, олицетворение планеты Венера.

Пентакль – правильная пятиконечная звезда, древнейший символ гармонии и совершенства, богини-планеты Венеры.

Валгалла – загробный мир викингов, зала, обрамлённая золотыми листьями.

Драккар – гребное судно викингов.

В предсмертной свободе полёта –
безропотно и утомлённо –
листвой рассыпаются ноты
с пюпитра поникшего клёна.
Вихрь жадно хватает бемоли,
вздымает, и кружит, и кружит,
чтоб, болью натешившись вволю,
метнуть в антрацитные лужи.
А в лужах – бездонных, безмолвных –
плач неба и рёв океана.
Так гаснет в бесстрастия волнах
истерзанный парус багряный.

Студёная, с привкусом соли,
срывается звонкая капля
из ока Астарты-Ассоли
на меркнувший контур пентакля,
А тот, павший с неба Икаром,
уходит в предвечность Валгаллы
пылающим алым драккаром;
сомкнувшись в кулак пятипалый,
ракушки причудливым гребнем
уносит жемчужину тайны...
...А ветер срывает с деревьев
наряды в безумстве регтайма.
О, злоба и зависть холопья!
Сломать, растоптать, уничтожить...
Нет, не партитурные хлопья –
то клочья ободранной кожи
швыряет багровая вьюга
в разверстую глотку Молоха...
Но всё это было.
По кругу –
 все годы, века и эпохи...
Так будет.
Премудро-седая,
 зарделась, совсем по-девичьи,
 звезда...
Красота, увядая,
 всего лишь меняет обличье.

Завтра начнётся зима

Утро. Безлюдная хижина
 смотрится в заводь пруда.
Время стоит –
 обездвижено.
Тёмного леса гряда
 будто парит
 в невесомости.
Воздух морозен
 и чист.
И в тишине отрешённости
 слышно,
 как падает лист –
лёгкий платочек,
 оброненный
заиндевевшей ольхой,
гаснет в воде
 искрой огненной.
Всплеск...
 словно тихий, глухой
 всхлип...
С затаённым дыханием,
 напряжена и нема,
полнится явь

 о ж и д а н и е м – ...

Один на берегу

Послеблоковское

Ночь, пятница Страстной Седмицы.
И память, веру хороня,
перебирает, как крупицы,
мгновенья прожитого дня,
как будто нищенка в котомку
сметает крохи со стола:
дождь, бег, в вагоне незнакомку,
сомненья, взгляды... Всё. Сошла...

Стакато кухонного крана –
дыханья ночи метроном.
Луна, продрогшая путана,
тоскливо молит – об одном –
и возливает (Магдалина!..)
сиянья бледного елей
на мёртвый город, царство сплина
дворцов, каналов и аллей.

Окно. Тень перекрестья рамы
в тревожных отблесках зарниц –
распятьем! – тянется упрямо,
пронзая рёбра половиц, –
туда, где стол, залитый светом,
как будто жертвенный алтарь.
Листок. Рука с пером-ланцетом.
«Аптека, улица, фонарь».

Гениальный сонет

О чём мечтаешь ты, безвестный гений,
Вперяясь взглядом в лик луны рябой,
Не видя Рок, нависший над тобой, –
Творить лишь для грядущих поколений?

Вне общества, формаций, построений,
Ты – винтик с нестандартною резьбой.
Ты – агнец, в мир пришедший на убой,
Кропить алтарь всё новых Возрождений.

Пройдя весь путь утрат и злоключений,
Светясь в окладе рамы гробовой,
Ты станешь вдруг иконой для молений.

Потомки возопят наперебой,
Вздыхая над красой твоих творений,
Подчёркнутой трагической судьбой.

Последний стих

Полоска света!.. Лязг железа стих... До ужаса привычная
метода. Ещё один новорождённый стих насытил чрево
мусоропровода. Там в мусоре, средь разной требухи, клочков
газет, наклеек на консервах пустые бесталанные стихи,
бесспорно, будут числиться в шедеврах.

Вот так спартанцы немощных детей бросали в пропасть,
забывая жалость. Но детище – без плоти и костей – мной так
же в муках и в поту рожалось. Вершитель виршей, я творил в
ночи, корпел, как Папа Карло над поленом – кривой чурбан
достоин лишь печи. Пусть так! Ничто не вечно в мире тленном.

Остановив сознания поток, я вижу – среди копоты и смрада
сквозь девять этажей летит листок, парит кругами дантовского
ада.

Тут стены дома тают, как мираж, столетья мчатся вспять
в хмельном азарте. И взгляду предстаёт иной пейзаж –
пелопонесский берег в Древней Спарте.

...Растаял в пасти бездны детский плач, и эхо замирает
в смертном стане, а я – детоубийца и палач – смотрю на
опустевшие ладони.

Прости, сынок! Ты был так слаб и хил. Суров закон, не зная
исключений. Я породил тебя – и я убил, избавив тем от
будущих мучений!

Но мне в ответ сгустившаяся мгла заходится в истошном
детском крике. И острая раскаянья стрела пронзает грудь в
растрёпанной тунике. Мечусь, как зверь! Но сына не вернуть.
Рву волосы, заламываю руки... Я сам готов с обрыва сигануть –
лишь только бы не слышать эти звуки!

...Открыл глаза. Всё было лишь во сне! Я снова здесь, разбужен
гулом лифта...

В руке – листок! На тыльной стороне – одна строка загадочного
шрифта:

ПЕШУ ЕСУО!!!

Hero

Себя как книгу пролистай! Довольно пресно?
Начни всё с чистого листа. Умри-воскресни.
С бездонно чистого листа. С азов, с основы.
Сожги мосты, чертёж моста. Забудь и слово.
Взрывай соборы и дома и – в каждом веке –
жги – не записки, не тома – библиотеки! –
Костёр подобен алтарю – в нём Суть зачата!
на каждый век – по букварю и... Герострату,
по Моисею, Спартаку – да с факелами!
Прочти последнюю строку, и сразу – в пламя.

Жизнь пробегает.
Ты один на берегу.
Надежды и мечты...
Всё мимо, мимо...
Ржавеет шпага –
превращается в клюку.

Неуловимо и –
неумолимо.

Всё невпопад.
Всё наспех.
На бегу.

И времени
на счастье
не хватает.

Снежинка
опустилась на щеку –
не тает...

Баллада о лютне

Труден путь. Заблудившийся путник,
Ты устал, как собака, продрог.
Но с тобой неизменная лютня –
Та, с которой прошёл сто дорог.

...Сколько дней неприкаянной тенью ты блуждаешь подобно
слепцу. И – в каком бы ни шёл направлении – ветер хлещет
взахлёб по лицу.

На лежащих в снегу перевалах вихрь метёт ледяным помелом.
Обессилен, ты прячешься в скалах. Забываясь прерывистым
сном, помолись, чтоб не стал саркофагом приютивший
спасительный грот.

Сон всё тот же: как полным бакштагом в воды фьорда заходит
вельбот.

Этот северный берег угрюмый, обрамлённый отрогами скал, –
после тесного затхлого трюма, после шторма, который таскал
и швырял ваш корабль, как скорлупку, – этот берег манил, как
мираж.

И, ещё не дождавшись, как шлюпка носом вклинится в
галечный пляж, опьянённый неожиданной свободой, ты
поднялся, отбросил весло, и шагнул в бирюзовую воду (будто
за руку что-то вело). И, мотивчик старинной баллады напевая
тихонько под нос, неизменную лютню, как чадо, на руках над
волнами понёс...

Лёгок путь – если ветер попутный,
В бурдюке – согревающий грог,
И с тобой неразлучная лютня –
Та, с которой прошёл сто дорог...

Наслаждаясь единством с природой, ты сидел и прихлёбывал
эль. Вкруг костра ветерком-колобродом увивался невидимый
эльф.

Ты прислушался к шелесту:

– Ну-ка! Что ты шепчешь, приятель? Напой!

Лакированный гриф сам лёг в руку. Дробный ритм отбивая стопой в такт kloкочущим пенным бурунам, взяв аккорд, ты подправил колки. И проворные пальцы по струнам заматались, точны и легки. Словно капли, посыпались ноты, и мелодия вдруг пролилась звонким ливнем.

Невидимый Кто-то в бесшабашный ударился пляс. Устилавшая землю покровом, шелестя, закружилась листва. Ожила, пёстрым платьем махровым облегла гибкий стан существа, что металось в чарующем танце.

Погружаясь всё глубже в астрал, ты качался в мистическом трансе и – не в силах прерваться – играл.

И, впиваясь – то нежно, то грубо, пальцы жадно блуждали по ней. От тепла юной плоти суккуба страсть и страх разгорались сильнее.

Весь дрожа, ощущая руками сладострастие девы нагой, ты... разбил лютню. В щепки, о камень. И отчаянно бросил в огонь. Захлебнувшись нестройным трезвучьем, ветер яростно взвыл, разметал по поляне горящие сучья.

И на землю обрушился шквал.

Что потом? Всё отрывисто, смутно. ...Ты сжимаешь разломанный гриф. Ураган – как несчастную лютню – разбивает кораблик о риф. А по берегу мечутся люди... Их смывает громада-волна...

...Ты проснулся. В руках твоих – лютня. Боевая подруга, жена. Это сон. Только сон. Но как чуден!.. Девять румбов. Семь футов под киль.

Но молчит опечаленно лютня. И на море безжизненный штиль.

Долог путь. Пилигрим бесприютный,
Что успел в это жизни, что смог?
Ни семьи, ни друзей, только лютня –
И ещё десять тысяч дорог.

Святоносский маяк

Маяк установлен в 1862 году на мысе Святой Нос (Кольский полуостров). В первую же зимовку от цинги из шести человек команды погибли пятеро. Сам смотритель (унтер-офицер в отставке Филиппов) выжил, но по причине перенесённой болезни оставил службу на маяке, на смену ему пришёл отставной унтер-офицер Алексеев. В следующую зимовку от цинги на маяке погибла вся команда – кроме смотрителя. Вильд (флюгер Вильда) – простейший прибор для измерения скорости ветра.

Среди суровых северных широт, где не родит земля ни льна, ни хлеба, где месяц длится ночь, и всех щедрот – полярное сияние в полнеба, в оковах вековой мерзлоты спят мёртвые поморские посёлки, стоят пусты раскольничьи скиты. Всевластны ветры, вороны и волки – здесь, от царя и Бога вдалеке, где коротает век моряк вчерашний на дальнем Святоносском маяке – во вросшей в скалы светоносной башне.

Зажаты в беломорские тиски семь человек на остроносом мысе. Здесь водка не спасает от тоски, и от больных, с ума сводящих мыслей. От смертоносных щупалец цинги не спрятаться за стенами в остроге. Здесь не беда, что встал не с той ноги, а радость – оттого, что держат ноги.

...Который день бушует океан, на вильде то и дело восемь баллов; и руки старика (он спит – он пьян) всё тянутся к незримому штурвалу. И не таких сгибает жизнь в дугу. От инвалида в море мало толку – собачьей смерти ждать на берегу сточившему клыки морскому волку.

...Метель кружит над шпилем маяка, по одному людишек прибирая, хромым калекой брезгует – пока. А шестеро – лежат рядком в сарае. Их даже не схоронишь по-людски.

Но души ждёт небесная обитель. Ведь звёзды – это тоже маяки, и, значит, – каждой нужен свой смотритель.

А тот – один на вымерзшей земле – кому досталась доля страстотерпца, пусть спит, пока пульсирует во мгле свет маяка, как огненное сердце.

Всего лишь бог

Сыну

Любимый сын, клянусь, тебе и Еве
я создал мир без боли и тревог;
и чёрт, зная, дёрнул написать на Древе
«Не трогать – изгоню из Рая! Бог».
Гуляйте, дети, сыты и раздеты,
вся жизнь была приятна и легка.
Зачем же вы нарушили запреты,
зачем так разозлили старика?

Ну что ж... Тогда возделывайте пашню,
живите и плодитесь – в добрый путь!
Ан нет! Уже возводят чудо-башню –
в отцовские покои заглянуть.

Я разделил все языки. И что же?
Ничто не властно снять людскую спесь –
за веком век вы лезете из кожи
в попытках достучаться до небес,
труду, заботам о насущном хлебе
предпочитая призрачных химер,
с мечтами о не ставшем близким небе
круша давно наскучивший вольер.

Мой славный, одинокий Человече!..
Ты тянешься к незримому отцу...
Прости. Пойми. Я... не готов ко встрече –
мне страшно встать с тобой лицом к лицу.

Ген Каина

Сын Каина, взбирайся к небу
И Господа оттуда сбрось.
Шарль Бодлер

Проклят, одинок и неприкаян,
мучим нескончаемой тоской,
по ночным дорогам бродит Каин,
тщась вернуть утраченный покой.

И, клеймо скрывая, как проказу,
одичало прячется во тьму,
как заклятье, повторяя фразу:
«Я не сторож брату моему!»

Суждено блуждать ему, доколе
не найдёт приют в чужом краю,
где построит дом, засеет поле
и взрастит немалую семью.

Ждать недолго жатвы. Грянет время –
мерить правоту длиной ножа –
вот тогда-то каиново семя
принесёт обильный урожай.

Рухнут вековечные каноны
под напором яростной волны
в день, когда на мировые троны
вознесутся Каина сыны.

Nova

Круша вековые основы,
ломая орбит постоянство,
ярчайшая вспышка сверхновой
звезды озарила Пространство.

И волны слепящего света
несли гибель древним народам
далёкой цветущей планеты.
Вскипали могучие воды,
крошились и плавились камни
под испепеляющим взором.

А импульс всеильным воззванием
летел по вселенским просторам,
сжигая бывшее, как ветошь,
и реинсталлируя Время, –

чтоб вспыхнул божественный Светоч
в окутанном мглой Вифлееме.

Утренние аллегории. Взгляд первый

Стара как мир и, как заря, млада –
Всех величайших тайн немой хранитель –
Седая одинокая звезда

Льёт тусклый свет на сонную обитель.
Ни шороха. Всё замерло внутри
И чуда ждёт... Грядёт! Грядёт Спаситель!..

Вдруг – шёпот пробежал в листве: «Гори!!!»
И вот – выходит огненное Чадо
Из чрева Богородицы-Зари.

И мир ликует – всё рождению радо!
Дубы-волхвы простёрли ввысь персты.
Торопит ветер облачное стадо.

Отметины божественной пяты –
Вслед за лучом, над травами скользящим,
Распахивают венчики цветы.

Разбужена теплом животворящим,
Жизнь встрепенулась: кружит, как циклон,
Снуёт, кипит и бьёт ключом звенящим!

Весь мир спешит – к Младенцу на поклон!..

И грянул гром!..

Лифостротон – каменный помост римского прокуратора.

Уроборос – древний символ, изображение змеи, поедающей свой хвост.

Спустилась ночь на Гефсиманский сад и город, знавший
яростные битвы, огонь и кровь бесчисленных осад, но не
слыхавший искренней молитвы...

Сомнения рвали душу в лоскуты. Слова слетали с губ, ища
ответа.

Отец! Пусть будет так, как хочешь Ты! И всё ж молю – да минет
чаша эта!

Ершалаим гасил свои огни... Тринадцатый день месяца нисана
– назавтра, в полдень, возопят «Распни!» ещё недавно певшие
«Осанна!»

Внизу в долине рокотал Кедрон. С щеки текла слеза (иль
капля пота?) И отсвет факелов дрожал тавром в расширенных
зрачках Искарота.

Но «Радуйся!» – промолвили уста, хотя глаза кричали:
«Уничтожу!» И обжигающе, как удар хлыста, поспешный
поцелуй ошпарил кожу.

Апостолы схватились за мечи, но всё же удалось избежать
сечи. Ученики рассеялись в ночи, тем подтвердив слова
застольной речи...

...Костёр пылал в стенах хананова двора, и челядь спорила о малом и великом, а за оградой разносился вой Петра, поверженного петушиным криком.

Синедрион вершил свой скорый суд, не оставляя никакой надежды, перевирая Тору и Талмуд и раздирая напоказ одежды.

Претория гудела, как притон. Толпа бурлила, бушевали страсти. Что истина?.. Высок лифостротон, но человек на нём – лишь символ власти!

Венец терновый – брат лаврового венка, и багряница – царской мантии подруга. Никто не в силах знать наверняка: не суждено ли им сменить друг друга?

Толпа бывает предсказуемой – за плату. Народный глас ревел: «Спаси Варавву!» Вода ржавела от холёных рук Пилата, предвосхищая страшную расправу...

Боль жертвы и усердность палача – едины, словно стороны монеты. И плеть хлестала – по нагим плечам, хмелея кровью Нового Завета.

Что жизнь – во имя целого народа? Порочный круг сплелся – в уробороса. И ноги, что легко прошли по водам, едва шагают.

Via Dolorosa! Путь Плача, помнишь ли ты всех, кто, волочась, шёл здесь, согнув под скорбной ношей спину?

Увы, Симон, в недобрый день и час ты повстречался Человеческому Сыну...

Последний шаг. И цель уже близка... Доска со стоном принимала плоть металла, покорна грубой силе молотка, и кровь на руки палачам хлестала.

Час в радости – как миг. Иная грань – минута муки длится дольше часа. Как уксус, воздух обжигал гортань. Ещё глоток – и опустеет чаша! Светилом, раскалённым добела, застыла в небе солнца колесница.

Но вдруг – в мгновение – мгла обволокла иссушенные земли плащаницей.

Пространство вспышкой света озарилось!
За миг до судьбоносной катастрофы я, глядя в небо,
прошептал: «Свершилось!»

И грянул гром над лысиной Голгофы!..

Задушевная беседа у костра

Рассвет. Усталый диалог двух правых истин...

- Ужели я тебе, мой Бог, так ненавистен?
- Покайся и склони главу!
- Потом – колени?..

...Кошмар, оживший наяву.

Помост. Ступени...

Несут посыльные-ветра к иным трибунам
листовки пепла от костра
Джордано Бруно.

Равновесность

...шажок, ещё...

Дрожит стальная жила. В напряженье
амфитеатр ощерил хищно пасть...
Едина кара всем икарам – пасть,
не одолев земного притяженья.

И раз... и два...

Харибда-тьма затягивает в бездну.
Металлом тишина звенит в ушах.
Один случайный жест, неверный шаг...
одна шальная мысль – и я исчезну...

И... шаг, другой...

Но что за беспокойная планида –
рубить концы и, ставя жизнь на кон,
пересекать воздушный рубикон
в истлевших декорациях аида.

шаг...

Игра с судьбой. Путь, ставший самоцелью.
Мосты разведены и сожжены.
Лишь лучик ариадниной струны
пульсирует во мраке надземелья...

...ВДОХ...

...Расхристан в пустоте под тёмным сводом,
на грани, где смешались явь и сон,
ступаю – с ритмом сердца в унисон –
по присмирившим галилейским водам,
направив взгляд не под ноги, но в небо.
Беглец, освободившийся от уз,
я стряхиваю с плеч сизифов груз
гордыни, страха, робости и гнева.

...ВЫДОХ

Последний шаг, прыжок из ниоткуда.
Я открываю медленно глаза.
А под ногами колобродит зал,
рукоплеща обыденному чуду.

Не Айс!

Около девятого часа возопил Иисус громким голосом:
Или?, Или?! лама? савахфани?? то есть:
Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?
Мф.27:46

Запутавшись в сетях телепрограмм,
я щёлкал между фильмом и футболом.
По двум каналам Пасху служит храм,
по остальным – sex, drugs & coca-cola.

Так задремал. И сон – как суррогат,
бред с видеоидеесинক্রазией.
Я наблюдал, как гнёт понты Пилат –
ведущий show «Кто Хочет Стать Мессией?»

«Шли sms» – паяц скривил уста
и ухмыльнулся в камеру лукаво, –
«на номер X – и я спасу Христа,
на номер V – я отпущу Варавву!».

Иуда тыкал пальцем в свежий прайс:
«Подешевели поцелуи... Кризис!»
Поп-рокер вяло сетовал: «Не Айс!»,
тряся докладом судмесэкспертизы.

Апостолы – кто плакал, кто зевал;
Пётр-пролетарий вздумал дебоширить.
Как выброшенный на берег нарвал,
Спаситель умирал в прямом эфире.

«Или-или, лама савахфани!» –
шепнул, великой жаждою снедаем,
но голос goblinский промолвил: «Сникерсни!
Не дай себе засохнуть! Будь джедаем!»

Second Life

Который день сейчас? Который год?..

Сквозь темноту дворов по мутным лужам
спешит домой усталый пешеход,
чтоб полуфабрикат умять на ужин
и, в тесной комнатёнке запершись,
забыв про все насущные проблемы,
усидчиво прожить другую жизнь
под клавиш стук и щёлканье модема.

так много дел: пропатчить анти-чит ;)
он в местной кибер-лиге лидер клана
плюс рецек на стихире настрочить
ещё сто баллов – и анонс на главной :)))

...Там, за его окном, гудит весна:
звенит капель, коты орут на крыше...

а он сидит в старкрафте до поздна
разит врагов по мановенью мыши ;)

...а за окном стоит нещадный зной.
И чем так человек прогневал Бога?..

об этом пишут в ленте новостной
у Бога к сожалению нет блога ;(

...А за окном беснуется метель...
Звонила мать. Хворает. Просит внуков.

как неохота покидать постель ;(
она согрета телом... ноутбука
забыться виртуальным псевдосном :)^z-z-z

и стать нужней счастливей и моложе

А за окном... Плевать, что за окном.

И – Господи, прости – он прав.

Быть может.

:-)

Я – лицедей всемирной паутины.

Я – лицемер. И дьявол, и святой.

Ничтожество, ублюдок андрогинный.

Кривая скобка, точка с запятой.

Но потрясти улыбкой Моны Лизы,
ухмылкой мефистофельской завлечь
не в силах я, неискренний подлиза –
подспорье для людей, забывших речь.

Я – оправдание потоков лжи и брани.
Им кажется – коль корчит рожи смайл,
то все слова уже не бьют, не ранят.
И жизнь их не стезя, а просто файл.

Чуть что не так (погиб, попал в кутузку),
есть способ избавления от бед –
скорее запустить перезагрузку...

...

[MZ] : а фоттт и йа! фсем чмоки!

[efes] : хай)

[Margaritk@] : превед!!!

человечки

И увидел Бог всё, что Он создал,
и вот, хорошо весьма...

Бытие 1:31

Почемучка, сев на тучке, смотрит сквозь прозрачный купол
на невзрачную планетку. Взгляд усталый из-под век.
Непоседе стало скучно, захотелось новых кукол:
горсть земли, набор для лепки – получился человек.

Ай, поделка – просто чудо! Динозавров – в мусор, в печку,
и ни капельки не жаль их – нынче новая игра.
Богом быть совсем не трудно – для тщедушных человечков:
дай заветные скрижальки, а потом – чуть что – карай.

Безответные игрушки одеваются по спичке,
ходят строем, спят в коробках и смиренно терпят гнёт,
на игрушечных войнушках умирают по привычке,
с вдохновеньем и сноровкой, будто зная наперёд,

что игре не длиться вечно, что когда-нибудь под утро,
подивившись беспорядку, кто-то сильный и большой
бросит взгляд на человечков – бесконечный, чуткий, мудрый –
принесёт ведро и тряпку и вздохнёт: «Нехорошо...»

Выходной

Тяжёлые шаги всё ближе, ближе...
Кривая тень легла на аналой.
Я с высоты распятия ясно вижу,
как прежний мир становится золой.

Но, принимая пламя словно милость, –
как жарки и нежны его уста! –
Я, так же, как в Тот день, шепча: «Свершилось!»,
схожу – прочь! – с ненавистного креста.

Блаженство! – после вековой муки –
вдохнуть легко, всей грудью, наконец,
размять, встряхнуть истерзанные руки
и снять сдавивший голову венец.

Пью каждый миг свободы с тайной дрожью...
Мне выдался короткий выходной –
пресытившись безверьем и безбожеством,
в отчаянии Они придут за мной.

Иначе кто вернёт Им – слабым – силу,
готовый на себя взять всякий грех,
внимать молитв безудержному пылу,
так беззаветно любящий Их – всех?

Я буду ждать. Уставший от разлуки,
прощая всё, рассудку вопреки,
желая мир обнять, раскину руки –
и застучат проворно молотки...

Отцу

Ты создал мне уютную клетку –
показать, как ты добр и велик.
Я сорвал это яблоко с ветки,
чтоб увидеть твой истинный лик.
И, признаться, мне зримей и ближе
этот злобный звериный оскал.
Ухожу, оскорблён и унижен,
боль и стыд пронести сквозь века.

Гневной искрой во взгляде потомка
я вернусь для свершенья суда.
Не бродяга с дырявой котомкой –
за расплатой прибудет сюда
лучший воин межзвёздного флота
с ослепляющим плазмомечом.
Он не станет стучаться в ворота,
а снесёт их могучим плечом.

Будут молнии яростным градом
биться в панцирь из наноброни...
Не останется райского сада:
обгорелые сучья и пни.

Взглянет вверх он, забрало откинув
с искажённого гневом лица –
вот тогда и узнаешь ты сына,
что по праву достоин отца...

Нью-Эдем

Проходя от Земли до окраин,
осознавший себя всемогущим,
возвратится заправский хозяин
в приэдемье. И в райские кущи
устремятся бульдозеры клином,
чтобы после из пепла подняться
парадизу, где вместо павлинов:
чудеса световых инсталляций,
голограммы божков и драконов
и живые цветы, что не увянут.

Рай из стали, стекла и бетона –
стиль и мощь, красота без изъяна!

Разрастётся сверкающий пояс
от Европы до Индокитая –
возрождённый Эдем, тераполис,
в небеса неотступно врастая.

Русский крест

Подустал Бог-Отец назначать ежечасно Мессию,
чтобы, в фарш провернув, утолять псевдоправедный гнев,
и, перстом в Землю ткнув, угодил на просторы России,
неизбывный венец над народом её простерев.

Непокорный Иван, ставший сам для себя иноверцем,
ты лежишь на боку, распираемый роем идей,
мот-пропойца-смутьян, как осколок, носящий под сердцем
благодать и тоску необъятной голгофы своей.

Пряник сладок, а плеть горяча, и тем слаще, чем круче.
Но, привыкший терпеть до конца и не помнящий зла,
ты пройдёшь сквозь гулаги-крещенья-опричнины-путчи
и над новым рейхстагом поднимешь простреленный флаг.

Наша Р

Запах яблок, клевера и мёда.
Каравай и крынка молока.
Щедро одаряет мать-природа.
Вышиты по краю рушника
обережной ниткой, тонкой, алой, –
коловрат и одолень-травя,
чтоб царило светлое начало
в мыслях и в поступках, и в словах.
Это ли она, твоя Россия?

Песни, хороводы до зари.
Девушки – одна другой красивей,
парни – как один – богатыри.
Праведно живут (согласно Ведам),
чтят отцов и продолжают Род
ариев, сарматов и венедов.

Мчатся сквозь веков круговорот
лета, разделённые на трети,
по чертогам Дара Коляды.
И на светлый праздник Новолетья
в пору завершения страды
весь твой Род, собраньем монолитным,
где чинов не знают и племён,
пустит округ братину со сбитнем.

Мысленно замкнув кольцо времён,
приложись и ты к заздравной чаше,
помятая предков и отцов.

Пожелай заблудшей Нашей Раше
поскорей найти своё лицо.

Два инокa (притча)

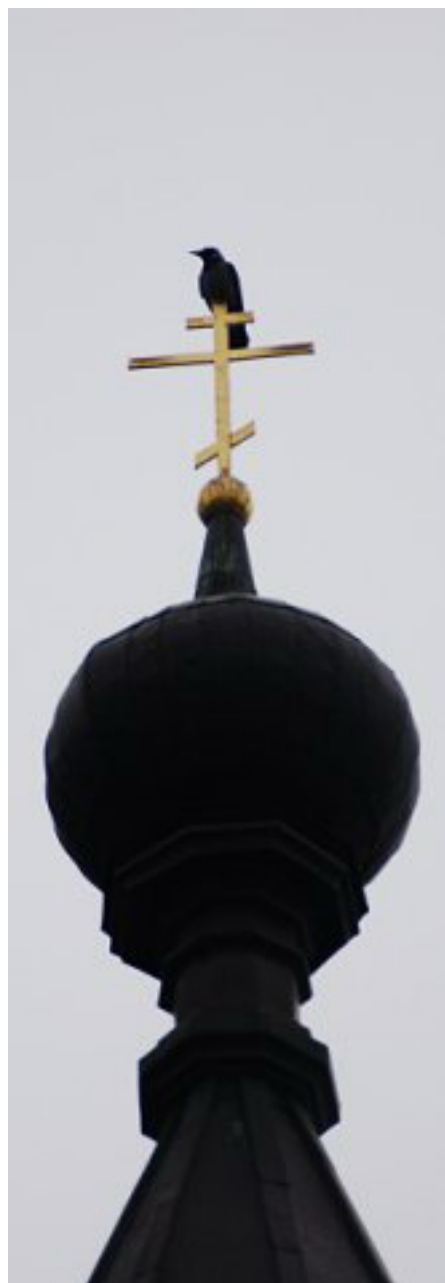
Сменив мирскую суету
на тишь уединенья,
два инокa в глухом скиту
искали путь спасенья.

Один – мусолил псалтыри,
согнувнишь у иконы,
под звон верижный до зари
усердно клал поклоны.

Другой – не разбирал псалмов,
не знал в обрядах толку,
бродил один среди холмов,
молился втихомолку...

...Посланник Господа за ним
сошёл с небес в Сочельник.
«Ты обознался, херувим!!!» –
взроптал второй отшельник.

«Уймись, бряцающий кимвал!» –
ответил ангел строго, –
«Пока ты душу бичевал,
он – молча – слушал Бога!»

Слово

I

...И было Слово – импульс, мысль, искра,
Что озарила Хаос без границы,
Сбивая в ком материи частицы,
Сплетая в вихрь вселенские ветра.

Вобрав стихий лихую круговерть,
Рождавшихся миров первоначало.
На вековой союз земную твердь
С небесной сферой Слово обручало.

В порыве вдохновения Творец
Создал материки, моря и реки,
Леса, зверей и птиц и, как венец,
Себя продолжил в сыне – Человеке.

Так написав Мир с чистого листа,
Изрёк довольный Труженик: «Готово!»,
И спящему в раскрытые уста
Вдохнул бесценный дар – Живое Слово.

И, покидая райские чертоги,
Растаял в млечном паводке зари,
Сказав: «Владей сим миром и – твори!
Открыты пред тобою все дороги!»

II

Младенец разорвал тенёта сна,
Открыл глаза. Вокруг всё было ново.
И, ощутив клокочущее Слово,
Пошёл, всему давая имена.

Смакуя, словно яство, каждый звук,
Узрев Творца в сокрытом всюду смысле,
Он выпускал слова, как птиц из рук,
И наблюдал полёт всесильной Мысли.

К нему тянулись ветви, и трава
Вилась в ногах прикормленной дворнягой,
Лизала нежно стопы божества
И омывала их прохладной влагой.

С мольбой в глазах: «Приказывай! Веди!»,
Смотрели звери, нежась в волнах света.
Дышала с трепетаньем вся планета
В такт колыханью человеческой груди.

III

Века неслись стремительной рекой,
Материки меняли очертанья.
Познав болезни, войны и скитанья,
По всей земле разбрёлся род людской.

Так человек стал слаб душой и груб,
От Света прячась за распутства ставнем,
А Слово, погрузнев, слетало с губ
И падало под ноги мёртвым камнем.

Но жреческие узкие круги
Оберегали тайну мирозданья,
А Слово, в положении слуги,
Осуществляло алчные желанья.

В глазах толпы вершились чудеса.
Так под волхвов протяжные напевы
Покорно разверзались небеса,
И благодатный дождь поил посевы.

Но, дабы власть жрецов над миром крепла,
Кнутом сменялся пряник и тогда –
В руины превращались города,
И над землёй взвивались тучи пепла.

IV

Наследники Ведической Эпохи –
В косноязычный резкий век Hi-Tech –
Слова, не лучше нищих и калек,
Влачатся, собирая с пола крохи.

Как бомж, испивший горестей сполна,
Клянёт судьбу, серея от обиды,
Вздыхает Слово: «Бы-ы-ли времена...
Со мною возводились Пирамиды!..»

Из мглы веков звучат слова Христа,
Но проповеди в храмах лицемерны.
Не от немытых рук черны уста,
Но – только лишь – от исходящей скверны.

Так угасает – искрой на лету –
Исконный смысл, сокрытый в каждом слоге
Слов, брошенных бездумно – в пустоту –
Гниющих, будто мусор на дороге.

Как вырваться из замкнутого круга,
Где души слепы и сердца немые?
Из мрачных недр сгущающейся Тьмы,
Надменно выползает Кали-Юга.

Остановись, не помнящий родства,
На мир смотрящий замутнённым взглядом!
Сомкни свои уста – в них жало с ядом,
И ранят, словно острый нож, слова.

Остановись! Задумайся на миг.
Обогатись молчанием немного!
Стряхнув ярмо бесчисленных вериг,
В себе почувствуй дремлющего Бога.

Он – Суть, не иссякающий поток,
Что кружит Мироздания турбину.
Он – сквозь асфальт пробившийся росток –
Немой призыв к отрёкшемуся сыну.

В песчинке малой, в капельке воды,
Которая есть жизни всей основа,
Повсюду – Он, везде – Его следы,
Его рука, Его Живое Слово!

Но если хоть на несколько минут
Все люди, как один, умолкнут разом,
То пробуждённый тишиною разум
Освободится от незримых пут!..

VI

Ещё немало схлынет поколений,
Но жизнь вернётся на круги своя.
И, разгадав все тайны Бытия,
Род человеческий подыметсЯ с коленей.

Вновь зацветут прекрасные сады
По всей земле – от края и до края.
И, получив прощенье за труды,
Изгнанники войдут в ворота Рая.

А после, как на звёздном корабле,
Космическую пыль взбивая в космы,
Помчатся вдаль на матери-Земле
По Млечному Пути в глубь макрокосма.

И где-то на краю Вселенной снова
Из первозданной тьмы рождается свет,
И, под салют приняв Парад Планет,
Сияньем чистой Мысли вспыхнет Слово!

Контакт

На небесном табло засверкали нули,
разделяя мой путь на конец и начало,
и, воззрившись на нового сына Земли,
всё живое в надежде на миг замолчало.

Столько лет пребывавший глухим и слепым,
но разбуженный вспышкой сознания мгновенной,
я – птенец, что пробился сквозь твердь скорлупы –
упоённо внимал необъятной Вселенной.

Взор был чист, словно с глаз отслоилась плева.
Разум вольно парил, сбросив косности бремя.
И сияла звезда моего рождества,
благовествуя через пространство и время.

Утопая в духмяном сплетении трав,
что дыханием лёгкого ветра согреты,
как младенец, к груди материнской припав,
ощущал я биение сердца планеты.

А деревья и камни, пульсируя в такт,
надо мною псалмы распевали всем клиром.
И – как будто пришелец – я шёл на контакт
с этим, вновь обретённым, неведомым миром.

"И влечёт нас вселенский коллаيدر..."

Игра словами. В рифму... Обретение мысли. Глубокой. Таинственной.

Поэт, а сам ты понимаешь, как рождаются стихи?

Понимать мало. Ещё чувствовать, ещё успеть уловить и записать... в рифму.

Что отличает талантливого поэта? Высокий интеллектуальный уровень, необычайно тонкая душевная организация, непредсказуемость творчества, скромность, энергия. Это лишь явные составляющие, а сколько ещё нужно, чтобы выделиться на фоне серой монолитной массы!

Но энергия на то и даётся талантливому поэту, чтобы, вливаясь в слова, в какой-то только автору известной (иногда лишь восчувствованной) непостижимой сути, в ускользающем порядке слов вспыхивать, граниться и сверкать таинственным, но вполне ощутимым светом...

Денис Барамзин появился в клубе весной 2009 года. Сезон близился к завершению. «Молодость» подводила итоги. Ничего значительного, сногсшибательного не предвиделось. Все, кому был предназначен почёт и уважение, к тому моменту достаточно искупались в лучах славы, лаврах победителей и были известны и знамениты на местном (я бы сказала местечковом и не только) уровне. Скучно было. Всё понятно и предсказуемо. И вдруг... Напрашивается «как гром среди ясного неба»? Нет. Зашёл тихо, скромно. Стихов читать не стал. Ссылку дал на свою страницу на сайте стихи. ру... Тут и завертелось.

С непреодолимым желанием поделиться, мол, смотрите, стихи какие у Д. Барамзина, заглянула в отдел культуры редакции газеты «Вятский край», к известному на вятке журналисту, поэту, члену Союза писателей России Николаю Васильевичу Пересторонину. И сразу, вне очереди, в «Вятском крае» вышла подборка стихов Дениса. На заседании правления Кировского регионального отделения Союза писателей России, члены

правления, знакомые с рукописью, единогласно проголосовали за то, чтобы включить Д.В. Барамзина в «Народную библиотеку».

Реальность не стоит на месте – уходит во Всемирную паутину. При этом, по-прежнему важно ощущать, что ты, человек, являешься собственником плотного мира, состоящего не из аморфной сути общения с воображаемым, а с конкретным, состоящим из земли, дерева, плоти и крови.

Денис Барамзин – вятский горожанин, то есть наш, земляк! Но... Вот она, экзистенция-то где порылась. Способ бытия, ускользающий «на меркнувший контур пентакля» в объятия Астарты-Ассоли (см. "Октябрьский регтайм"), на берега глобального информационного пространства (см. "Second Life", "Я – лицедей всемирной паутины"), на диван с ТВ (см. "Не Айс!")...

А где же грибоедовское "В деревню, к тётке, в глушь..."? У Барамзина своя «глушь» (см. "Журавль", "Игрушки", "Крещенский вечер, а мороза нет..."), и в пику той, которой как бы уже и нет, но она есть (прямо как паутина), подаются реалии нашей жизни и, отнюдь, не как дань памяти:

...Отрывивая скомканную грязь,
сопя, рыча и клацая клыками,
в барханы омертвелой снежной массы,
впитавшей реагенты, шлак и гарь,
вгрызалась металлическая тварь,
ползущая по краю автотрассы.
(см. "про павший снег")

Или:

Запутавшись в сетях телепрограмм,
я щёлкал между фильмом и футболом.
По двум каналам Пасху служит храм,
по остальным – sex, drugs & coca-cola.
(см. "Не Айс!")

Что касается части книги "Всего лишь бог", давайте обратимся к словам самого автора: "Я – сын своего времени, и так же ощущаю всё возрастающее отчуждение поколение Эры Интернета и Глобализации, смутное предчувствие и опасение надвигающейся Новой Эры, дыхание которой всё явственней. Суть Человека – порой гениального творца, порой беспринципного кровожадного зверя – является для меня главной загадкой и темой творческого поиска".

Стремление взвесить, выверить каждое слово, вплоть до буквы (например: "дед Мароза" – не ошибка – приём) и не потерять при этом вдохновения – неслучайно и закономерно. Отсюда неслучайность поэта на стезе творчества, закономерно и появление в жизни литературного объединения "Молодость". "Вселенский коллайдер"? Нормальный курс... Высокая планка... Отличная попытка совместить несовместимое и обрести непредсказуемый эффект бытия, подтверждённый безусловным поэтическим слухом и даром слова Дениса Барамзина.

Руководитель кировского областного объединения
"Молодость",
член Союза писателей России –
Ольга Юрлова

Об авторе

Барамзин Денис Владимирович

родился в 1980 в Кирове.
Окончил Кировский
физико-математический
лицей, Вятский
Государственный
университет.

Программист по профессии.

Жизненные увлечения:
экстремальные виды спорта,
туризм, фотография,
литература.

Стихи публиковались в
газете "Вятский край",
литературном сборнике

"Время звёзд", альманахах "Весна поэтов", "Зелёная улица",
"От двух до пяти", "Под одним небом", "Семя света".

Лауреат региональной премии им. Николая Заболоцкого за
2013 год.

Член Союза писателей России.

Странички в Интернете:

<http://www.stihi.ru/avtor/spacemaugli>

<http://grinstreet.ru/>

Правовые ворпосы etc...

Все фотографии в книге авторские, в том числе скан почтовой марки "Святоносский маяк" из личной коллекции.

Вёрстка и дизайн обложки авторские.

Данная книга является электронной копией сборника стихов "Игрушки" из серии "Народная библиотека" (2011) с отличием в том, что ряд текстов претерпели незначительные изменения, а также добавлено стихотворение "Нью-Эдем".

Все права на произведения принадлежат автору ©
Copyright: Денис Барамзин, Игрушки 2011-2013.

Скачав электронную книгу Вы имеете право (лицензию) свободно владеть, копировать и распространять данное электронное издание, распечатывать все или отдельные тексты на принтере при условии:

правильного обозначения авторства произведений;

при соблюдении неприкосновенности произведений (внешний вид текста, названий, форматирование строк и прочее);

при некоммерческом использовании произведений.